

Он прилетел в Москву как раз в тот день, когда у меня не было никакого настроения выходить «в люди». Но в то же самое время, я не мог отказать и своему давнему другу Юрию Федоровичу Маликову, который просил о моем знакомстве с богатым американцем. Короче говоря, решили встретиться за чашкой чая, и так впервые порог моего дома переступил настоящий миллионер с американским паспортом в кармане. Имя этого богатого иностранца — АНАТОЛИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.

А РАССКАЗАТЬ о нем вкратце взялся для начала беседы и введения в курс дела сам **ЮРИЙ МАЛИКОВ**:

— С Анатолием мы знакомы давно. С 1970 по 1975 год он был солистом ансамбля «Самоцветы». Это был расцвет популярности коллектива, и девочки после концертов бегали за Толей, как сейчас за моим сыном. Сейчас, насколько я знаю, Анатолию 45 лет. Он уроженец Риги, и это его первый за 14 лет визит в Советский Союз. Жаль, конечно, что тогда страна потеряла еще одного хорошего артиста, но я Толью в те годы смог понять...

— Ну что, Анатолий, давайте вернемся на эти 14 лет назад. Почему вы приняли решение уехать?

— Это было, как вы, надеюсь, понимаете, непростое решение. Можно сказать, на 70 процентов отъезд произошел из-за того, что я не мог смириться с надругательством над моим (да и над нашим в плане группы) творчеством. Мы приносили в государственную казну баснословные доходы, а получали при этом от 10 до 20 рублей за концерт. Какие песни петь и кого именно, нам указывали в тогдашнем горкоме партии, а в каких костюмах и с какими прическами выходить на телеэкран — лично товарищ Лапин (председатель Гостелерадио тех лет. — А. Ш.). Я был жестоко втиснут в рамки «совка» и глубоко переживал. Кто-то мирился с этим, кто-то еще раньше меня принял решение навсегда покинуть страну.

Уехали талантливейшие люди — Саша Лерман, Лёня Бергер (недавно он приезжал в гости к Пугачевой аж из самой Австралии. — А. Ш.), Юра Фокин, Леонид Пильщик, Шульман, Шуфутинский. Чуть позже почти весь состав оркестра «Мелодия» и Игорь Саульский (родной сын композитора Юрия Саульского. — А. Ш.). Я подал заявление, и через год получил разрешение.

Таких, как я, государство отпускало с легким сердцем. Ехал в Америку, не зная ни одного слова по-английски. На что надеялся — сам не знаю. Окунулся в среду русской эмиграции, но в ту, где о творчестве пришлось надолго забыть. Нас всех свободно выпускали из Союза, потому что мы многим мешали своей непреклонностью и по большому счету были никому не нужны. Но и в Америке нас не ждали с распростертыми руками. Прежде всего надо было выжить. Работал дворником, потом таксистом, учил язык, пытался как-то прокормить не только себя, но и семью.

— И как проходил период адаптации? — Нелегко. Во-первых, я сразу понял, насколько мы нищие — по образу жизни, по возможности питаться, зарабатывать деньги, по мышлению, по уровню образованности и информированности. У нас тогда, да и сейчас, наверное, критериями благосостояния были — золото, бриллианты, машины. У них — этажи и гектары определяют уровень жизни. Но даже если ты не работаешь (а у меня был и такой период), с голоду не дадут умереть — еда и медикаменты, многочисленные благотворительные организации всегда помогут тебе. Даже если ты и эмигрант из России.

Впрочем, есть в наших странах (как я понял еще тогда) и много общего. Как здесь, так и там рабочие — это низший класс, страдающий больше всего от налогов. Только в Америке их размер не превышает 35 процентов. И еще одно, на что стоит обратить внимание в Союзе (даже, может быть, перефразировать), — если ты развиваешь свой бизнес и занимаешься благотворительностью, то процент налога тот же час уменьшается в несколько раз.

Устроившись на работу таксистом, я довольно быстро получил статус беженца, и это уже гарантировало хоть какую-то социальную защищенность. Затем, выучив язык, устроился петь песни в захудалый ресторанчик. Через 5 лет скопил денег и записал первый альбом. Это были песни Анатолия Днепров. Весь тираж этой пластинки (около 1500 экземпляров) до сих пор лежит в моем просторном

доме. Семь тысяч заплатил за издание, а продал всего пару штук. Тогда понял, что выгоднее записывать кассеты — их слушают в машинах и покупают в 2—3 раза больше, чем пластинок. С тех пор я уже не ошибался — тратил больше (цены на студиях возросли до 15 тысяч долларов), но и отдача получалась больше.

— И все-таки семь лет назад ты получил в руки американский паспорт и ступил на сцену одного из самых престижных ресторанов в Нью-Йорке.

— Да и сейчас я выхожу на помост в самые лучшие и дорогие дни — в пятницу, субботу и воскресенье. Пять лет назад я ушел из ресторана «Националь» в Лос-Анджелесе, где работал с Шуфутинским на пару, и переехал в Нью-Йорк.

Когда я слушал Гребенщикова, поющего на ломаном английском языке, которого американцы толком и понять не могли, мне было, честно говоря, стыдно и за него, и за тех людей, которые его привезли. Я живу здесь почти 15 лет и, пройдя все стадии «американского развития», подышав американским воздухом, понял, что мой ресторанный бизнес честнее и, главное, выгоднее, чем тех, кто привезает в очередной раз «покорять Америку». Эту страну голыми руками не возьмешь.

— А что конкретно ты имеешь в виду? — Возьмем, к примеру, Вайкуле. Я не знаю, что писали о ней после возвращения в Союз, но сюда ее привезли люди, не имеющие понятия ни о бизнесе, ни об американской публике. То есть импресарио заведомо опускают советских гастролеров на самое дно. Никто из менеджеров не хочет, а главное, не умеет рекламировать певцов из России. Экономат буквально на всем, и это отражается на выступлении актера, который рад не приему зрителей, а тому, что его сюда вообще привезли. А с Ирой Понаровской вообще вышел анекдот. Она работала в

вы. Мои американские адвокаты сделали все, чтобы заплатить советской стороне деньги за использование песен, но, как выяснилось, ваша страна до сих пор не подписала Международную конвенцию об авторских правах и сама никому не платит — ни за видео-, ни за аудиозаписи. Таким образом, и я никому ничего не должен.

Гастролирую я довольно много — в основном ездю в страны, где есть выходы из России. Это Израиль, Австралия. Группу с собой не беру. Невыгодно, так как авиационные билеты дорогие. В каждой стране набираю местных музыкантов, с которыми за 1—2 недели разучиваю всю программу.

Пишусь на разных студиях. Сразу после записи очередного альбома стараюсь как можно быстрее выехать на гастроль. Все необходимо делать в кратчайшие сроки, так как пиратские записи доходят до Израиля за 2 недели, а до Австралии — более месяца. Перед каждым выступлением мои люди торгуют кассетами, и если я чуть опоздал, то на рынке появляются уже пиратские кассеты и я прогораю.

ПОКОРИТЕЛЬ АМЕРИКИ

Здесь собрал очень сильный состав из американцев. Мой барабанщик Алан Диаз раньше играл у самого короля самбы Сержио Мендеса, а бас-гитарист почти семь лет работал с Билли Джоэлом. Гитарист Игорь Северский (его далекие предки тоже из России, но он там никогда не был), занимающийся аранжировками, двенадцать лет назад завоевал I место на фестивале музыки фламенко и входит в элиту гитарных виртуозов. И, наконец, клавишник — еще один очень известный музыкант, от которого я балдел, еще будучи в России. Это Анжей Зелинский — бывший руководитель варшавских «Скальдов». В нашей программе более тысячи песен — все танцевального плана. На русском, немецком, английском, итальянском и испанском языках. Именно такой контингент ходит к нам в ресторан. Я больше люблю петь для бывших русских. Они платят наличными, а американцы все ходят с кредитными карточками. Частый гость моих шоу — Игорь Саульский. Он продюсирует мои кассеты и альбомы, а сам работает на фабрике кукол, сочиняя для них музыку для рекламных роликов. Музыка для рекламы в Штатах — очень крутой и престижный бизнес.

— Но играть и петь для юющей публики — разве выход из ситуации? Не мечтал ли ты заняться серьезным музыкальным бизнесом, тем более сейчас, когда твои дела идут успешнее ранней волны эмиграции и ты преуспеваешь круче Шуфутинского с Шульманом...

— Пусть эти мечты останутся мечтами. Живя в условиях музыкальной информации США, видишь развитие жанра в течение нескольких десятков лет. И каждый день задаешь себе вопрос — ну как с ними можно конкурировать? Моему сыну 8 лет, и даже он никак не может понять многих вещей. Мы ходим с ним на всех, кто приезжает в Нью-Йорк и работает для эмигрантов. Он постоянно спрашивает меня: «Пап, а на что надеются эти русские? Почему у них такая неинтересная музыка?». Понимаете, здесь все так, как в старом анекдоте про клубнику. В Америке она есть каждый день с 8 утра, а в Союзе лишь тогда, когда созреет.

ресторане с понедельника до воскресенья. Тянули из нее, как могли, а при переезде в другой город, решив сэкономить на билетах на самолет, везли ее 8 часов на машине. И сразу на новую сцену, не дав ей даже передохнуть. Какой уж тут прием аудитории?

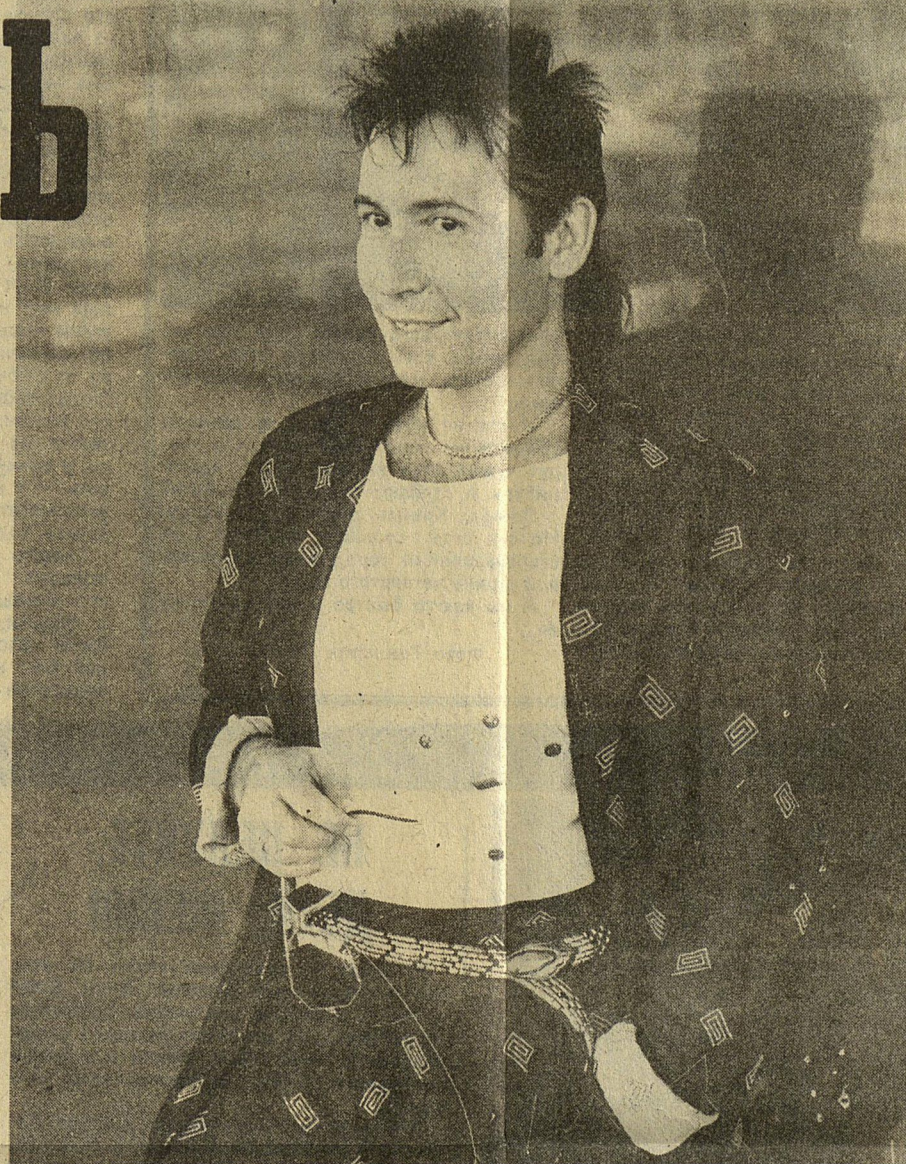
Чуть лучше было у Пугачевой. Но ее привозил сам маэстро Миша Шульман, варившийся в американской каше много лет и испытавший на себе тяжесть эстрадного хлеба.

А лучше всего прошел Леонтьев. Во-первых, его спас блестящий профессионализм, во-вторых, его американские импресарио вложили столько долларов в аппаратуру, спецэффекты, транспорт, гостиницы, рекламу, создав тем самым ему нормальные человеческие условия для работы, что иначе быть и не могло. Хотя для американской стороны его концерты были убыточны. Зато был настоящий прием зрителей. Экономия в шоу-бизнесе всегда выходит боком.

— Как складывается ваш репертуар? Выезжаете ли вы на гастроль?

— Я бы сказал — с трудом. Эмигранты хотят слушать знакомые им песни, те, что знали еще в Союзе. Так, например, новое поколение заказывает песни Муромова, Добрынина, Николаева. Все это с опозданием на 2—3 года доходит до Америки. Сейчас самый большой спрос на «Ласковый май». Кстати, если эти ребята приехали бы на 3—4 месяца и поработали бы в ресторанах, то уехали бы просто миллионерами. Их песни действительно популярны — раз, во-вторых, богатые американцы очень жалостливы к детям, особенно к детдомовским.

Когда я на свой последний альбом записывал «Яблоки на снегу» и «Незнакомку», то даже не знал, кто их написал. Мне они нравились, зритель их ждал. Сделав песням более американизированные аранжировки, записал их, и они быстро стали шлягерами эмигрантских кругов. Мне говорят, что многие песни в моем репертуаре написаны Звездтинским. Может быть, и так, не знаю. Сейчас в Союзе мои друзья мне понаписали на кассеты много новой танцевальной музыки, а это значит, что репертуар значительно обновится. А как же авторские права? — спросите

Анатолий МОГИЛЕВСКИЙ:
«К сожалению, я уже не вернусь»

Сейчас мною записано 7 альбомов и столько же, соответственно, кассет. На компакт-диск пока не решаюсь. У моих друзей примерно такое же количество дисков, но их дела сейчас сильно хромают. Публика уже не хочет слушать блатных или «одеских» песен, она приходит в ресторан танцевать. Я же таких песен никогда не пел, а кроме того, я прежде всего исхожу из музыки и аранжировок. Музыкант должен оставаться музыкантом всегда.

Не люблю повторяться. Каждая новая запись была для меня очередной ступенькой вверх. В чем-то меня можно сравнить с исполнителями музыки кантри, которые лишь спустя 10—15 лет после своего дебюта становятся звездами. Я никогда не откажусь от коммерции, так как здесь как нигде без этого нельзя зарабатывать деньги на жизнь, если ты занимаешься музыкой.

В нашем разговоре мы коснулись Анатолия Днепров. Несколько лет тому назад он вернулся в Союз, видимо, не выдержав заокеанской жизни. Так ли это?

— Вот Шульман. Ему, видимо, в Америке неплохо. Даже если его бизнес закончится, он сможет прожить за счет своей очень богатой жены. Днепров же не смогло оценить то общество, в которое он попал. Он не раз говорил мне, что хотел, покорив Америку, завоевать весь русскоэмигрантский мир. Но этого не случилось. Да и жена тянула его вернуться, страдая без Родины. Мать каждый день плакала. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться.

— А у вас сейчас такого желания не возникло?

— Неделя, которую я здесь проведу, останется самыми счастливыми днями последних двадцати лет. Я здесь вырос, у меня здесь живут друзья, родственники, но насовсем я сюда не приеду. Хочу здесь выступать с концертами. Побывал на «Мелодии» и безвозмездно передал туда все свои записи. Пусть выпускают для тех, кто меня еще не забыл.

и «Жигулях» меня постоянно укачивало и начинала болеть голова.

Второе — это очереди за бензином и отношение милиции на дорогах (ГАИ) к водителям. Когда я сам ездил за рулем, то частенько нарушал правила, так как город немного позабыл. Сотрудники ГАИ довольно грубо, не представляясь, спрашивали у меня права, и оказывалось, что моя лицензия на управление автомобилем здесь недействительна. Пытались меня оштрафовать. Сначала брали 10 рублей, но когда узнавали, что я американец, почему-то уже просили 25. Потом я сообщил, что за пачку «Мальборо» можно гораздо проще и быстрее уладить все конфликты.

Третье — опять связано с автомобилями. Ребята, как же вы ездите? Это же просто катастрофа и гибель для любой машины.

Несколько раз я хотел зайти покушать, и, только увидев очередь в «Макдональдс», все окончательно понял. Поесть все-таки удалось в каком-то кооперативном кафе, но было страшно невкусно и двое суток болел живот. И, наконец, пятые. Это попытки зайти в магазин. Это вообще не опишешь словами — ни русскими, ни английскими.

Именно быта, я, видимо, не смогу выдержать, а семья, перед которой у меня обязательства, не поймет меня.

— Вы верите в будущее Советского Союза и в то, что все можно исправить?

— Теоретически да, но практически... Главная сложность страны в том, что правительство не хочет либо боится отдавать производство в частные руки. Я, конечно, не экономист и не политик, но думаю, что реально сможет поправить дела создание некоего Гонконга или Тайланда. То есть в промышленности использовать нормальную рабочую силу и грамотных руководителей. Безделье никогда ни к чему хорошему не приводило. Хотя все это маловероятно...

В этой ситуации мне прежде всего жаль близких людей и родственников. Я вижу, как они страдают и мучаются. Музыканты просят меня сделать им приглашение в Штаты, чтобы поработать со мной в программе. Это возможно, конечно, но хватит ли им репертуара? Да и нужно ли это вообще?

— Что вы успели сделать за те несколько дней, что находитесь в Москве?

— Главное, я уже говорил, — стараюсь максимально пополнить свой репертуар. Слушаю много танцевальной музыки. Понравился Газманов, «Любэ», «Ласковый май», песни в исполнении Жени Белоусова. Это то, что сейчас хорошо пройдет в Америке.

Но больше всего был поражен талантом Димы Маликова. Он несет в себе тот стиль, использует те же музыкальные структуры, что сейчас особенно популярны в Америке. И это особенно ценно — он музыкант. Видно это с первой же услышанной песни.

У него может быть хороший прием у нас, но, как и каждого артиста, его необходимо грамотно рекламировать. Ведь американцы, приходящие на те или иные концерты, очень доверчивые люди. Всю музыкальную информацию они получают только из программ Эм-ти-ви или специальных передач по радио. Ничему другому они не верят. Популярность артиста во многом зависит от показанного клипа. Если видеоряд (а не сама песня) затронули душу людей, их чувства, то артист может стремительно взлететь вверх.

Здесь же добиться популярности даже сложнее. Так как информация о музыке очень раздроблена. Есть она и в специальных программах, есть во «Взгляде», есть и в «Добром вечере, Москва!». Главное, не как спеть, а как угадать, где бы себя показать.

Поэтому перед своим будущим приездом в Москву с концертами большую часть денег придется вложить в рекламу...

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ открою небольшой секрет — вполне возможно, что в рамках итоговых концертов «ЗД» в начале будущего года нашим гостем станет Анатолий Могилевский, и тогда все мы сможем убедиться в том, насколько талантливы этот уже немолодой человек и как много в свое время мы терли.

Дмитрий ШАВЫРИН.
Фото Александра АСТАФЬЕВА.